

Николай
Константинович
ФРОЛОВ

О НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ И РУССКОМ САМОСОЗНАНИИ*

Предлагаемая для размышления проблема имеет непосредственное отношение к неоднозначным аспектам интерпретации концепта «русское национальное сознание», как и статуса понятия «национальное самосознание», ставшего в последние годы объектом интересов и актуальных дискуссий философов и социологов, историков и политологов, филологов и культурологов, журналистов и телепублицистов. При этом принципиально поляризовались позиции, со всей очевидностью отразившие смутное время в России на исходе XX в., весьма схожее со смутой начала XVII в., о которой неизвестный автор в малоизвестном «Плаче о пленении и разорении Московского государства» пророчески написал: «Как оказались мы в разорении? Внезапно пропали и погибли из-за беззаконий своих, как уходят сны поутру, так и до нас погибали на земле благочестивые люди за то, что правда оскудевала и воцарилась неправда и всякая злоба, и ненависть, и безмерное пьянство, и блуд, и ненасытное мздоимство» [Красноречие... 1987: 327].

Российское государство в его современном состоянии, по словам генерал-полковника Л. Г. Ивашова [Советская Россия. 2004. 9 сент.], представляет собой расколотое многочисленными противоречиями общество, «где нищие – не менее одной трети населения – ненавидят богатых, регионы презирают центр, коренные народы во всех бедах обвиняют инородцев, мусульмане с подозрением смотрят на православных, чиновники отгораживаются от народа, субъекты РФ утратили связь друг с другом, граждане боятся правоохранительных органов не меньше, чем преступников, молодые не понимают стариков. Государствообразующий русский народ утратил национальное, государственное и нравственно-религиозное сознание, искусственно разделен и рассажжен по многочисленным карманным партиям и общественным организациям, деградирует в пьянстве, аморализме, криминале. Перманентные «реформы» каждодневно плодят преступность, детскую беспризорность, ... болезни и

* Последняя статья доктора филологических наук, профессора Н. К. Фролова. Его сердце перестало биться 11 июня 2013 г.

преждевременную смерть, завершают раздел собственности, раздел народов, раздел территорий. Верховная власть предстает как наиболее безнравственная часть российского общества, формируемая на основе клановости, всеобщей коррупции и полной безответственности перед народом».

Такая оценка современного российского общества, отдельных его наиболее знаковых представителей не выходит за рамки суждений патриотической оппозиции, весьма актуальна для квалификации русской ментальности, специфики русского национального самосознания, вовсе не исчерпывает самого объекта панорамы этнокультуры мировой цивилизации. Разброс мнений на этот счет настолько полярен, пестр и неоднозначен, что определение сознания и самосознания должно строиться и базироваться на установлении общих и частных, объективных и субъективных, универсальных и специфичных критериев самого феномена ментальности, к примеру, конкретного русского этноса.

С другой стороны, официальные органы российской власти с известной долей оптимизма констатируют рост благосостояния народа, уровня образованности и общественной активности, что многоголосо транслируется СМИ, искусно зомбирующими народное сознание разного рода либералами, любителями охаивания и патологического очернения героического прошлого Российской державы. Их место в вертикали власти достаточно объективно определил известный своей проникновенной резкостью Александр Проханов: «В колодце русской истории лежит труп Ельцина. Отравляет воду, покрывает ее смердящей радужной пленкой. Мы черпаем из колодца воду, пьем, покрываемся трупными пятнами, капельки зловонного студня на их камзолах добывают экономику Родины, сносят великие заводы и домны, рубят и режут станки, заносят в «красную книгу» технологии, созданные Курчатовым и Королевым, превращают Россию в огромную стальную кишку с пузырящейся нефтью и газом» [Завтра. 2004. окт.]. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн в книге «Битва за Россию» несколько лет назад тонко подметил, что в государственный организм страны введен яд либерализма, он заболел разложением крови, стимулировал рождение конституции, ставшей школой раздоров, разлада, споров, несогласий и бесплодных партийных агитаций, что обезличило деятельность государства, когда парламентская трибуна выпекала правительства для бессилья и бездействия [Иоанн 1993: 34].

В орбите национальных чувств наиболее значимое место занимает чувство национальной гордости, являющееся сложным

социально-психологическим феноменом. Национальная гордость стимулирует спектр таких морально-психологических качеств, как национальное достоинство, оценка и знание исторического вклада нации в культуру страны, осознавая любовь к родному языку, фольклору, зрелость национального самосознания и др. [Исаев 2002: 96].

Основой национальной гордости является патриотизм. Можно думать и говорить о патриотизме русском, патриотизме российском или вообще о патриотизме национальном, что в сознании каждого человека ассоциируется с совокупностью поступков, базирующихся на чувстве любви к Родине, родному дому, языку, культуре, естественному природному ландшафту, своему народу. Такая любовь может быть созерцательной и может быть любовью-действием. Она может быть реализована через духовное переживание принадлежности личности к этноисторическим духовным ценностям, через их почитание, причастность и благоговение. Созерцательный патриотизм имеет место там и тогда, когда очевидны милосердие и терпимость, ностальгия и сострадание, смирение и прощение, включая так называемый «квасной патриотизм», то есть излишнее умиление самобытностью культуры, психологии и нравственного уклада собственного народа [Шарапов, Любченко 1995: 79].

Патриотизм-действие материализуется в конкретном поступке — в служении Отечеству, жертвенности, верности и национальном достоинстве. История России свидетельствует об уникальной для человечества любви русского патриота к своей земле, доходящей до забвения самого себя, до физического ощущения собственной незначительности, глубинной толерантности и скромности. Русский патриотизм психологически несовместим с великодержавностью и национальной нетерпимостью.

Идеологи новой либеральной демократии, наследники пресловутого космополитизма, будь то Б. Немцов или В. Познер, сознательно отождествляют русский национальный патриотизм то с ксенофобией, то с шовинизмом, а то и с фашизмом. В глумливом телешоу М. Швыдкого «Культурная революция», например, в передачах «Русский фашизм хуже немецкого», «Русский язык — великий ли и могучий?», заталкивают в камеру преступников русского патриотизма. Благодаря таким «культуртрегерам» в России в последние два десятилетия складывается странная ситуация: тех, кто высказывается в защиту русского языка и культуры, непременно записывают в шовинисты и фашисты.

Как известно, термин «национализм» используется для обозначения приверженности этноса интересам своей нации, отражая естественный этноцентризм, политические, экономические, культурно-языковые и морально-эстетические аспекты. В Британской энциклопедии национализм — «это верность нации, стране», то есть государственные интересы ставятся выше личных или групповых, когда национальная приверженность — это идейная сила, противостоящая эгоцентризму, расизму, шовинизму и агрессивному национализму. Исторически русский национализм отличался оригинальностью отечественной культуры: он никогда не был царским или имперским, советским или коммунистическим, он всегда оставался русским.

Россия — это не просто евразийское цивилизованное государство, Россия — это, прежде всего, русская цивилизация. Понятие-определение «русская» — весьма широкое, надэтническое, поскольку за этим многозначным концептом скрываются не только терминопонятия «русский человек», «русский народ», но и другие народы полиэтнической России. Вполне конкретны в этой связи этнические термины — «русский украинец», «русский немец», «русский армянин» и сотни аналогичных этнических понятий.

Русский патриотизм и национализм частично совпадают с национальным сознанием, как и национальное сознание — с национальным самосознанием. Будучи автономными концептуальными категориями, данные терминопонятия дополняют друг друга в пространстве русской национальной идеи. Национальное сознание, представляя собой культурно-историческое ядро этноса, по своему возникновению является продуктом естественных и искусственных условий жизнедеятельности народа. Становление национального сознания связано как с географической средой (ландшафт, полезные ископаемые, климат), так и политико-экономическими и социальными условиями развития этноса (уровень развития производства, форма государственного устройства, культура, религия, просвещение и т. п.). Национальное сознание формируется параллельно со становлением нации, ее языком, культурой, психологией, территорией и экономикой.

Национальное сознание обнаруживает себя в процессе наблюдения над особенностями производственной деятельности, характером поведения, морально-нравственными качествами того или иного этноса. В частности, русские этнические черты духовности проявляются в традициях гостеприимства, доброжелательности, неторопливости и склонности к самоуничижению, о чем две тысячи лет назад поведал римский историк Тацит.

Национальное самосознание отличается от национального сознания по своей сущности и по времени возникновения [Трофимов 1995: 21]. Это более позднее понятие представляет собой неотъемлемый духовный атрибут национальной жизни и ее характерное этническое выражение. Термин «самосознание» в русском языке трактуется как полное понимание самого себя, своего значения, своей роли в жизни общества, это наличие или выражение знания о себе, понимание себя. Говоря иными словами, национальное самосознание складывается в процессе познания специфических национальных черт в искусстве и культуре, языке и литературе, науке и просвещении конкретного народа. Если субъектом национального сознания выступает весь русский народ, то субъектом национального самосознания являются его наиболее просвещенные представители, те, кто инициирует оценку и самооценку состояния материальной и духовной жизни своего народа. Национальное самосознание раскрывает себя и в отношении одного этноса к другому этносу, оценке того, что связывает народы между собой. Национальное самосознание любого народа весьма чутко реагирует на неравенство, несправедливость, национальную обиду, что особенно актуально в отношении к русскому человеку, культуре России, ее месту в современной цивилизации. Русское национальное самосознание постоянно подвергается проверке на прочность. Дремлющее при отсутствии очевидного внешнего или внутреннего толчка, оно обретает силу, способную на потенциальный вызов. Но это уже иное направление размышлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивашов Л. Под одной крышей // Советская Россия. 2004. 9 сент.
2. Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Битва за Россию. Саратов, 1993.
3. Исаев М. И. Словарь лингвистических терминов и понятий. М., 2002.
4. Красноречие древней Руси (XI – XVII вв.). М., 1987.
5. Назаров М. Вопрос президенту: Россия для нерусских? // Наш современник. 2004. № 9.
6. Орлова И. Всероссийская перепись: цифры и комментарии // Наш современник. 2004. № 8.
7. Проханов А. А. Помним, отомстим // Завтра. 2004. Октябрь.
8. Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1989.
9. Строганов В. Русский национализм. М., 1997.
10. Трофимов В. К. Сознание и самосознание русского народа: проблема соответствия // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее. Екатеринбург, 1995.
11. Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития / ред. В. Н. Рагузин. Оренбург, 2002.